

ливонский рубеж Дрисвятской волости: лесом до оз. Угаринку, далее по акватории оз. Ричу, мыс Острый Рог на оз. Ричу, бором до района оз. Беляны. Отсюда шел ливонский рубеж Браславской волости: цепочка мелких («частых») озер, в том числе предположительно оз. Пшигудка и оз. Каменка, истоки р. Солоной (= р. Борне), далее оз. Плюсы, оз. Пресвято и р. Кобыла (= р. Пресвята), вытекавшая из оз. Пресвято и впадавшая в Западную Двину в месте, где лежал камень «Кобыла» с русской надписью [9, р. 220–221; 2, л. 1–4, 8–15v].

Судя по пропорциям пространства между Радивиловой и Шедиборовой границами, Войшвилтова граница XIV в. выходила к Зап. Двине в районе впадения в нее р. Погулянка или р. Борне к востоку от Динабурга. Сильно похоже, что на упомянутых выше переговорах 1445 г. литовская сторона, говоря об отрезке между оз. Курцума и Зап. Двиной, предлагала вернуться именно к конфигурации Войшвилтовой границы.

1. Ліцкевіч, А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) / А. У. Ліцкевіч // Arche. – 2010. – № 10. – С. 39–123.
2. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А. І. Дзярновіч. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 157 с.
3. Міндаў кароль Літоўі ў дакументах і сьведчаньнях / Уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. А. Жлуткі. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 135 с., [16] л. факсім.
4. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 1. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с., XVI с.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 2. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 524 с., CIV с.
6. Bucevičiūtė, L. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a. : valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija / L. Bucevičiūtė. – Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas; Vilnius: Versus aureus, 2015. – 400 p.
7. Čelkis, T. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija / T. Čelkis. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2014. – 339 p.
8. Čelkis, T. 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) / T. Čelkis, D. Antanavičius // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – Nr 27. – P. 164–178.
9. Dogiel, M. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti / M. Dogiel. – Vilnae : Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilmensis Scholarum Piarum, 1758. – 225 p.
10. Dokumenty strony Polsko-Litewskiej pokoju Mełneńskiego z 1422 roku / wyd. P. Nowak, P. Pokora. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2004. – XVII, 101 s.
11. Dorna, M. Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku / M. Dorna // Lituano-Slavica Posnaniensia. – 2013. – Nr 14. – S. 87–102.
12. Dubonis, A. Traidenis: monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje, 1268–1282 / A. Dubonis. – Vilnius : LII leidykla, 2009. – 242 p.
13. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. – XX. HA, OF HMK. – OF 1b. Verhandlungen mit russischen, litauischen und polnischen Fürsten.
14. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von F. G. von Bunge. – Abteilung 1. – Bd. 1. 1093–1300. – Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. – XII, 190, 810 p.
15. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. – Abteilung 1. – Bd. 10. 1444–1449. – Riga ; Moskau : Kommissions-Verlag von J. Deubner, 1896. – XLVIII, 576 s.
16. Rowell, S. C. Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S. C. Rowell. – Cambridge University Press, 1994. – 375 p.
17. Scriptorum rerum Prussicarum. – Bd. 2. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – VI, 866 s.
18. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius : Mokslo, 1982. – 392 p.
19. Wojtkowiak, Z. Północna granica Litwy w średniowieczu. «Limites inter Litvaniam et Livoniam» z 1473 / Z. Wojtkowiak // Poznań – Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2010. – S. 213–270.

**Ушаков А. В.
К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ «НОВГОРОДСКИХ ГОСТЕЙ» ЛЮБЕКА
В ГАНЗЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ***

Исследование предпринимательской деятельности гильдии «новгородских гостей» в XV веке связано с определенными трудностями, обусловленными фрагментарностью источниковой базы. Дефицит источников усугубляется сложностью определения принадлежности тех или иных писем и материалов «новгородским гостям». Несмотря на это, представляется возможным выявить специфику ганзейской документации, относящейся к гильдии, и обозначить границы привлекаемых источников.

Гильдия «новгородских гостей» – специализированная купеческая корпорация, организованная в Любеке и ориентированная на русскую торговлю, впервые появившись в ганзейской документации в начале XV века, к концу столетия играла весьма заметную роль в русско-ганзейской торговле. При рассмотрении источников, связанных с предпринимательской деятельностью гильдии, неминуемо возникает ряд вопросов, касающихся принадлежности отдельных документов к истории «новгородских гостей». Проблемы идентификации источников, принадлежавших «новгородским гостям», и особенности их применения в исследованиях представляются актуальной темой для изучения.

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19–18–00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».

Так как деятельность «новгородских гостей» XV века на сегодняшний день слабо изучена, историко-ведческий анализ обозначенной тематики доселе не предпринимался. В тоже время характеризующаяся своей фрагментарностью источниковая база, представленная купеческой перепиской и различными сопутствующими материалами, позволяет прийти к определенным выводам.

Отождествление любекских купцов, торговавших в Новгороде, и гильдии «новгородских гостей» не всегда представляется верным. Данная позиция, обозначенная Л. К. Гётцем, имеет под собой весьма хрупкую почву. Опираясь на четвертую редакцию новгородской шры, – устава Немецкого подворья в Новгороде, Л. К. Гётц сделал вывод, что «новгородские гости» были закреплены как полновластный участник русско-ганзейского товарообмена во второй половине XIV века [3, s. 227]. Но, обратившись к тексту шры, не представляется возможным найти какие-либо конкретные указания на купцов из числа гильдии. В нескольких статьях устава, посвященных вопросу избрания олдерменов Немецкого подворья, говорилось, что ими могут быть лишь купцы Любека или же Готланда. Если же купцы из Любека или Готланда на подворье отсутствовали, стоило избрать олдерменов из наиболее благочестивых купцов других городов [9, IV, § 65, 67]. Термин «*Novgorodfahrer*» в тексты шры отсутствует. Согласно уставу, должность олдерменов подворья должен был занять «кто-либо от Любека или от Готланда» (*jeman van Lubeke eder van Gotlande*), то есть установить принадлежность любекских купцов к корпорации «новгородских гостей» невозможно. Учитывая, что купцы гильдии обладали отдельными привилегиями, отличавшими их от других ганзейских купцов из Любека, будет справедливо заметить, что впервые купцы рассматриваемой гильдии появились в ганзейской документации в 1409 году [6, s. 91]. Безусловно, к началу XV века гильдия «новгородских гостей» уже имела значительный вес в русской-ганзейской торговле, и период ее формирования следует отнести к более раннему времени, однако, аргументацию Л. К. Гётца стоит признать несолидной уже потому, что старейшая редакция новгородской шры, относящая ко времени подписания первого торгового договора новгородцев с зарождающейся Ганзой, указывала на то, что олдерменами Немецкого подворья могут быть купцы Готланда, Любека, Дортмунда и Зоста [9, I, § 9a]. Абсурдно относить создание гильдии «новгородских гостей» к началу XIII века, однако, формулировки в тексте первой и четвертой редакций устава мало отличаются. Если коротко, мысль Л. К. Гётца о том, что основание гильдии произошло ранее начала XV века небезосновательна, но бездоказательна. В связи с этим, стоит признать, что отождествление любекских купцов, торгующих в Новгороде, и «новгородских гостей» имеет место быть, но при наличии конкретных на то указаний.

Любек, занимавший главенствующее положение среди ганзейских городов, с гильдией «новгородских гостей» связывали прочные деловые отношения. Купцы корпорации нередко использовали влияние любекского совета при решении спорных вопросов с магистратом Ревеля. Любекские ратманы не всегда при этом указывали в своих письмах причастность «новгородских гостей» к рассматриваемому вопросу. К примеру, в 1429 году магистрат Любека просил советы Дерпта и Ревеля посодействовать устройству Генриха Патберга (*Hinrike Patberge*) на должность священника в церкви святого Петра на Немецком подворье [7, № 57]. Стоит помнить, что правом назначать священника обладали исключительно олдермены подворья [9, IV, § 68]. По справедливому замечанию Б. Шуберт, олдермены, избранные из числа любекских купцов, осуществляли передачу информации из Новгорода в Любек [10, s. 90], а также контролировали деятельность немецких купцов, несмотря на то, что новгородская контора с 1442 года официально перешла под руководство Ревеля и Дерпта [9, № 877]. И все же нельзя утверждать, что «новгородские гости» причастны к судьбе Генриха Патберга.

Но в том же 1429 году любекские ратманы сообщили совету Ревеля, что все купцы, находящиеся в Любеке (*gemene copman nu mit uns wesende*), укомплектовали торговые суда наемниками для противоборства пиратам [7, № 58]. Так как спустя пять дней олдермены «новгородских гостей» отправили в Ревель письмо, касающееся данного вопроса, объяснив механизм выплаты жалования наемникам и размер необходимых пошлин, совершенно очевидно, что упоминаемые ратманами Любека купцы относятся именно к рассматриваемой гильдии [7, № 60].

«Новгородские гости» нередко использовали фразу «все купцы» (*gemene copman*) для обозначения своей гильдии. Интересным примером является эпизод, связанный с обращением графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству [2]. Пересказав совету Ревеля просьбу графа, авторы письма, очевидно, принадлежавшие к «новгородским гостям», подписались: «олдермены всех купцов Немецкой Ганзы» (*alderlude des ghemenen coepmans van der Duytsscher Hanze*) [11, fol. 2]. Неизвестно, почему «новгородские гости» отождествляли себя со всем ганзейским купечеством, но в более поздних документах они использовали более точную формулировку «олдермены всего купечества «новгородских гостей»» (*alderlude des ghemeynen copmans der Nowgarderfaren*) [11, fol. 11, fol. 12]. Возможно, это связано с ростом торговой кооперации купцов. Участники гильдии активно торговали во многих балтийских городах – Любеке, Брюгге, Антверпене, Ревеле и других. В конце XV века они предложили новый порядок фрахтования судов: перевозить товары разрешалось

исключительно на кораблях, зафрахтованных фрахтхерен (*vrachtheren*), которыми являлись олдермены «новгородских гостей», находящиеся в Ревеле [5, № 458]. Возможно, в указанный период подобные правила были распространены на другие города, где торговали «новгородские гости», и в связи с этим они стали себя отождествлять со всем ганзейским купечеством.

Обращаясь к обозначенному порядку фрахтования судов, в 1491 году магистрат Любека в письме к совету Ревеля указывал на одобрение «купцов, имеющих торговые дела в Новгороде» (*coplude, to Nowagarden ere verkeringe hebben*). По мнению, любекских ратманов, в связи с тем, что указанный порядок был одобрен купцами в Любеке, его стоило принять без обсуждений [5, № 747]. Как уже отмечалось выше, новый порядок фрахта судов был предложен именно «новгородскими гостями», поэтому, очевидно, ратманы Любека имели ввиду их [5, № 458].

Несмотря на то, что уже к середине XIV века ганзейская документация перешла с латинского языка на средненижнегерманский, отдельные латинские слова и выражения продолжали употребляться в купеческой переписке [1, с. 65]. Так при перечислении расходов Томаса Шрове (*Thomas Schroven*), затраченных на поездку в Москву, олдермены «новгородских гостей» названы по латыни: «*oldermannis communium mercatorum Lubicensium Nowgardie*» [4, № 434]. Использование латыни также расширяет круг возможных источников, связанных с рассматриваемой корпорацией.

Таким образом, не всегда представляется возможным в многообразии ганзейской документации выявить материалы, непосредственно относящиеся к гильдии «новгородских гостей». Тесные деловые отношения с магистратом Любека, который зачастую транслировал Ревелю те или иные стремления городской корпорации, осложняют поиск источников, так как порой не содержат прямых указаний на причастность «новгородских гостей» к обсуждаемым вопросам. Отождествление гильдии со всем ганзейским купечеством, допускаемое ее купцами, по всей видимости, для большей солидности, также может запутать исследователя. В подобной ситуации единственно верным методом стоит считать анализ конкретного источника в историческом контексте и без отрыва от других документов, с которыми он может быть связан. Систематизация имеющейся источниковой базы должна облегчить дальнейшее изучение гильдии «новгородских гостей» периода Средневековья.

1. Бессуднова, М. Б. Перспективы изучения ганзейских квитанций из Томского государственного университета / М. Б. Бессуднова // Средние века. – М. : ИВИ РАН, 2019. – № 4. – С. 60–82.
2. Ушаков, А. В. Обращение графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству: к вопросу «авантюрной торговли» на Балтике конца XV века (по материалам Таллиннского городского архива) / А. В. Ушаков // Vita Memoriae: Теория и практика исторических исследований. – Нижний Новгород : НГПУ им. Козьмы Минина, 2021. – С. 29–31.
3. Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters / L. K. Goetz. – Lübeck, 1922. – 572 s.
4. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 3. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1888. – 590 s.
5. Hansisches Urkundenbuch. – Bd. 11. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1916. – 899 s.
6. Harder- Gersdorff, E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs / E Harder- Gersdorff // Hansische Geschichtsblätter. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2002. – Bd. 120. – S. 97–147.
7. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 8. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1884. – 687 s.
8. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 9. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1889. – 722 s.
9. Schlüter, W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. / W Schlüter. – Jahrhundert. Dorpat, 1911. – 145 s.
10. Schubert, B. Hansische Kaufleute im Nowgoroder Handelskontor / B. Schubert // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. – Köln : Böhlau, 2002. – S. 79–96.
11. Tallinna Linnaarhiv. – F. 230. BE 14-IV. Fol. 2–20.

Якунина В. А.

КОЛЛЕКЦИЯ ПИСЕМ ФОГТОВ НАРВЫ ИЗ ТАЛЛИННСКОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Расположенная на границе России и Ливонии средневековая Нарва играла значительную роль в системе русско-ливонских взаимоотношений, как в экономической, так и в политической сферах. Уже с XIV века город развивался как важный центр русско-ганзейского товарообмена и, кроме этого, с 1347 года являлся стратегически значимой пограничной крепостью Ливонского ордена. Заинтересованность Ордена в экономическом развитии города положительно сказалась на формировании его правового положения. Поскольку представителем Ливонского ордена в Нарве являлся фогт, то целесообразным представляется рассматривать механизмы взаимоотношений Ливонского ордена и Нарвы проанализировав деятельность фогтов, что на данный момент в исторической литературе фактически не находит никакого отражения.

¹Исследование произведено при поддержке РФФИ, проект № 19–18–00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга»